

— Благодетель... — выдавил юноша и судорожно вцепился в рукав Цзян Ту.

Его желудок выкручивало наизнанку. Зажав рот ладонью, Е Хуай согнулся пополам в судорожном приступе тошноты; голова его шла кругом.

Чэн Се виновато улыбнулся:

— Молодому господину нездоровится? У меня есть пилюли, помогающие при головокружении. Может, примите одну?

«Если я даже после простого подъема по Лестнице Долголетия вынужден глотать пилюли, то как защищу благодетеля в будущем?» — упрямо подумал Е Хуай.

— Не нужно, — буркнул он, наотрез отказываясь от помощи.

Отказ прозвучал резко и сухо. Чэн Се на миг растерялся, и в воздухе повисла неловкая пауза.

Выручить его поспешил Цзян Ту:

— Подъем по Лестнице Долголетия — обычное дело для заклинателей, к этому нужно привыкнуть. Дай ему немного времени, всё пройдет.

Чэн Се смущенно потер кончик носа:

— Разумеется.

Оставив неловкость позади, он приглашающим жестом указал на тропу и повел спутников вверх по склону.

Дикая глушь Нижнего царства осталась далеко позади. Теперь перед ними высился исполинский пик, уходящий вершиной в самое поднебесье. Горные склоны окутывала осязаемая духовная энергия; колыхаясь призрачной дымкой, она дробилась на тысячи сверкающих бликов. То, ради чего простые смертные тщетно тратили целые жизни, здесь витало прямо в воздухе — обыденное и доступное каждому.

По пути Чэн Се услужливо пустился в объяснения, стараясь просветить Цзян Ту обо всем, что их окружало:

— Должен признаться, наш орден Прихода и Ухода — один из самых молодых в бессмертных реестрах. Мы существуем всего три поколения. Основателем был наш досточтимый предок, даос Сяньшань. После него главой стал мой наставник, даос Юаньшань, а ныне орденом

руководит мой старший брат.

Впрочем, даже с такой короткой историей войти в число признанных праведных кланов за три поколения было величайшим достижением. Это без лишних слов свидетельствовало о подлинной силе ордена Прихода и Ухода.

Цзян Ту уловил в его рассказе легкую нестыковку и задумчиво прищурился:

— Хм. Разве престол главы вашего ордена не передается строго от учителя к единственному преемнику?

На губах Чэн Се промелькнула мимолетная улыбка, а во взгляде отразилась целая гамма противоречивых чувств:

— Меня, — тихо признался он. — Но я ни разу не пожалел о том, что сделал в детстве. Власть и почет главы ордена ничто по сравнению с узами, связывающими меня с братом. Я просто не мог его потерять. Нашу родную деревню поглотило дыхание скверны, а родители погибли при набеге призрачных зверей. Мы остались совсем одни. Когда наставник нашел нас, я наотрез отказался отпускать руку брата. Сжалившись, учитель явил милость и забрал нас обоих в орден.

Скверна бесчинствовала повсюду, но особенно тяжело приходилось Нижнему царству. Земли, граничащие с барьером Небесной реки, жили под вечным страхом неминуемой гибели — никто не знал, в какой день дыхание скверны поглотит их дома. Простые смертные пребывали в непрерывной тревоге, бессильные что-либо изменить.

Рассказывая о былых невзгодах, Чэн Се явно надеялся вызвать сочувствие и сократить дистанцию между собой и Цзян Ту. Но тот остался глух к этой тонкой душевной уловке. Равнодушно скользнув взглядом по собеседнику, он спросил:

— И кого же из вас двоих изначально выделил ваш учитель?

— Меня, — тихо признался он. — Но я ни разу не пожалел о том, что сделал в детстве. Власть и почет главы ордена ничто по сравнению с узами, связывающими меня с братом. Я просто не мог его потерять.

Черты лица Цзян Ту наконец слегка смягчились:

— Что ж, в нынешние беспокойные времена подобное бескорыстие — великая редкость. Достоинно уважения, господин Чэн.

— Кругом полно людей, упрекающих меня в глупости, и лишь вы узрели самую суть, — Чэн Се просиял от искренней радости. — Мне кажется, господин Цзян, мы с вами удивительно

похожи!

С этими словами он сделал шаг навстречу, сокращая расстояние между ними.

Сочувствие к сиротскому детству Чэн Се, едва успевшее зародиться в душе Е Хуая, мгновенно испарилось. Враждебность вспыхнула с новой силой.

«Ишь чего выдумал — "родные души"! Ладно болтаешь языком, но зачем так близко к благодетелю притираться?!» — Е Хуай сердито сморщил нос, едва сдерживая клокочущее внутри недовольство.

К его вящему восторгу, Цзян Ту тут же безучастно отступил на полшага в сторону, вежливо, но твердо восстанавливая прежнюю дистанцию.

Настроение Е Хуая взлетело до небес. Он поспешно пристроился к Цзян Ту почти вплотную, всем своим видом демонстрируя навязчивому провожатому, кому именно принадлежит это место.

Цзян Ту озадаченно покосился на юношу, однако отстраняться не стал. Вновь повернувшись к Чэн Се, он спросил:

— Куда мы держим путь?

— Мне нужно доложить старшему брату о происшествии в Нижнем царстве, — Чэн Се мельком взглянул на льнущего к заклинателю мальчишку, но быстро отвел глаза. — Господин Цзян, прошу, следуйте за мной. Мой брат — человек благородный и справедливый, он ни за что не откажет вам в гостеприимстве.

Цзян Ту коротко кивнул:

— Благодарю.

Едва они миновали очередной поворот, как навстречу им вышла группа заклинателей в одинаковых ярко-зеленых кушаках. Увидев Чэн Се, юноши почтительно склонились в приветствии:

— Старейшина Чэн!

— Старейшина, вы вернулись! Удалось разузнать что-нибудь внизу?

— В барьере Небесной реки опять образовались две бреши, глава сейчас как раз латает их.

Чэн Се, окруженный учениками, терпеливо и с неизменной мягкой улыбкой отвечал на расспросы.

Цзян Ту молча наблюдал со стороны. Было очевидно, что младшего брата главы в ордене Прихода и Ухода искренне любили — в глазах учеников читалась непритворная теплота.

— Послушай, Шаофу, — вполголоса заговорил один из приближенных учеников, подходя ближе к Чэн Се. — Через десять дней начнется отбор. Ты уж постарайся! Мы все надеемся, что именно ты займешь место главы. В нынешнем хаосе, если и дальше безвольно следовать старым догмам, наш орден попросту вычеркнут из бессмертных реестров.

Чэн Се вздрогнул и невольно покосился на Цзян Ту. Спешно замахав руками, он оборвал ученика:

— Что за вздор! Старший брат лишь чтит заветы предков. Всё, что он делает, — на благо ордена...

— У тебя просто слишком мягкий характер! — не унимался тот. — Да пропади они пропадом, эти заветы! Все в ордене знают, что твой талант превосходит способности Чэн Жана. К тому же старый глава скончался внезапно, и у его ложа в тот час находился один лишь Чэн Жан. Кто знает, чью волю он озвучил на самом деле...

— Довольно! — сурово прервал его Чэн Се, и лицо его мгновенно потемнело от гнева. — Замолчи! Кто бы ни возглавил орден Прихода и Ухода, мы с братом едины в своих помыслах. Больше я подобных речей слышать не желаю!

Назидательный окрик заставил говоруна съежиться. Лепеча извинения, он попятился назад. Остальные ученики, почуяв неладное, поспешили откланяться и быстро скрылись из виду.

Чэн Се тяжело вздохнул и с горькой усмешкой повернулся к Цзян Ту:

— Прошу простить за эту безобразную сцену, господин Цзян. Учитель покинул этот мир слишком внезапно, успев передать бразды правления брату. С тех пор по ордену ползут грязные слухи. Положение нашего клана сейчас шаткое, оттого и...

Цзян Ту отозвался безучастно:

— Вода стекает в низины, а глупые толки разбиваются о разум мудреца. Не принимайте близко к сердцу.

— Если бы всё было так просто... — вздохнул Чэн Се, возобновляя подъем. — Позвольте спросить вашего совета, господин Цзян. Я не желаю соперничать с братом, но дела ордена плохи. Будь вы на моем месте, как бы вы поступили?

Цзян Ту нахмурился. Разумеется, он не собирался вмешиваться во внутренние дразги чужого клана и занимать чью-либо сторону:

— Если во главу угла ставить процветание ордена, то и приверженность традициям, и тяга к переменам в конечном счете найдут равновесие.

«Но если к этому примешается корысть, то даже мнимое единодушие обернется прахом», — мысленно добавил он, оставив вывод при себе.

Говорить это вслух не требовалось — умный человек и так поймет недосказанное.

Внезапно в груди Цзян Ту отозвалась резкая, странная боль. На краткое мгновение он нахмурился, с трудом сдержав судорожный вздох.

Чэн Се, зорко следивший за каждым его движением, тут же затрепетал:

— Господин Цзян, вы ранены! Ах, какой же я глупец, засыпал вас пустой болтовней. Скорее, нам нужно идти сюда.

Тропа вывела их к вершине. Прямо перед ними возник исполинский барьер, переливающийся перламутром и преломляющий солнечные лучи радужными искрами.

Даже издали Цзян Ту ощутил исходящие от барьера Небесной реки колоссальные волны духовной силы. В самой его основе отчетливо угадывались семь мощнейших потоков — по числу великих духовных жил Смертного мира, с которыми они, несомненно, были неразрывно связаны. Вокруг этих стержней вились десятки мелких ручейков чужеродной энергии, но те были настолько ничтожны, что не составляли и десятой доли от мощи основных потоков. Они казались тонкими лоскутами цветной слюды, служащими скорее для украшения, нежели для защиты.

— Это и есть барьер Небесной реки, — негромко произнес Чэн Се. — За ним раскинулась Теневая сторона смертного мира.

По ту сторону защитной преграды не росло ни единой травинки. Те земли давно поглотило дыхание скверны, и лишь призрачные звери безраздельно властвовали во тьме. Это проклятое, исполненное чистейшей энергии Инь пепелище люди прозвали Теневой стороной смертного мира.

Поскольку ученики упомянули, что глава ордена сейчас латает бреши, Чэн Се привел гостей прямо к границе барьера. Цзян Ту пристально вгляделся в сияющую пелену, но так и не сумел различить следов недавних повреждений.

— Господин Цзян, прошу вас, отойдите немного назад, — предупредил Чэн Се.

Он засучил рукава, сосредоточил в ладони сгусток духовных сил и резким, размашистым движением обрушил удар на барьер. Воздух содрогнулся от оглушительного грохота, однако мерцающая стена даже не всколыхнулась.

Неловко кашлянув, Чэн Се ударил по преграде еще раз, во весь голос прокричав:

— Старший брат!

Призыв растаял в звенящей тишине гор.

Цзян Ту с недоумением приподнял бровь:

— Что вы делаете? Почему мы не можем просто войти внутрь?

— В орденах Среднего царства лишь глава наделен правом открывать проход сквозь барьер... — Чэн Се готов был сквозь землю провалиться от стыда. Без ключа к защите, ему оставалось лишь топтаться на месте. — Брат, должно быть, слишком занят работой.

Когда Чэн Се уже занес руку для третьего удара, перламутровая гладь наконец пришла в движение. По ней побежала легкая, искрящаяся рябь. Прежде чем показался сам хозяин этих мест, из-за пелены донесся звонкий, полный юношеского задора голос:

— О-о! Младший брат!

Чэн Се благоразумно отступил назад. В ту же секунду сквозь барьер лавиной вывалился рослый, плечистый детина. Он попытался облапить Чэн Се, но, обхватив лишь воздух, пошатнулся и едва удержал равновесие.

Ничуть не смутившись, новоприбывший с размаху хлопнул Чэн Се по плечу:

— Ну наконец-то ты вернулся! Братец, знал бы ты, в какой кошмар превратилась моя жизнь за эти дни... погоди, чего ты так глазами косишь? Заболел? Да отпусти ты мой рукав!

Осекшись, он проследил за отчаянными жестами Чэн Се и наткнулся взглядом на бесстрастного Цзян Ту и остолбеневшего от неожиданности Е Хуая.

Цзян Ту с трудом сдержал дрожь в уголке глаза.

«Чэн Жан? Этот разбитной и шумный юноша никак не вяжется с образом застывшего ревнителя традиций, о котором только что судачили ученики».

Челюсть молодого главы ордена Прихода и Ухода отвисла так, словно он подавился огромным гусиным яйцом.

—... И ты преспокойно позволял мне позориться перед гостями? — прошипел он, чувствительно ткнув брата локтем в бок.

Впрочем, дурашливость с него слетела в один миг. Выпрямившись, он с преувеличенной чинностью сложил ладони в приветственном жесте:

— Прошу простить за это недоразумение. Я — Чэн Жан, глава ордена Прихода и Ухода. Рад приветствовать почтенных гостей!

Тем временем Чэн Жан размашистым шагом подошел ближе:

— Младший брат передал, что вы прибыли помочь нам с барьером? О, это просто чудесная новость! В уезде Наньту духовные потоки совсем иссякли, сюда приличного заклинателя веками не заманишь. Сколько мы ни слали прошений о помощи в Нижнее царство — всё без толку, ни единого ответа... Ах, да что толку сокрушаться! Позвольте первым делом устроить вас на ночлег.

Он с легкостью выложил всю подноготную о бедственном положении своего ордена, даже не подумав о том, что их союз должен был строиться на взаимной выгоде и недомолвках: орден Прихода и Ухода дарует убежище, а Цзян Ту за это латает барьер.

Стоящий позади Чэн Се судорожно зажал пальцами переносицу, готовый лишиться чувств от столь вопиющей простоты старшего брата.

— Есть еще кое-что, — заговорил Цзян Ту, предпочитая сразу раскрыть карты. — В Нижнем царстве...

Он вкратце изложил суть их столкновения с орденом Стремительного Ветра и упомянул о своевременном вмешательстве Чэн Се. В завершение рассказа он чинно поклонился:

— Из-за нас ваш орден оказался втянут в эти распри. Примите мои извинения.

Чэн Жан торопливо подхватил его под локти, не позволяя согнуться в поклоне:

— Пустяки! Сволочи из ордена Стремительного Ветра творили бесчинства на наших землях, правда на нашей стороне. С какой стати нам их бояться? А если заявятся — я лично помогу вам переломать им ребра. Так что живите у нас спокойно и ни о чем не тревожьтесь!

После столь радушных заверений Цзян Ту оставалось лишь молча поклониться в знак

признательности.

И в этот самый миг прямо посреди водяной глади барьера Небесной реки проступил уродливый черный силуэт. Он бился о преграду изнутри, напоминая речного утопленника, силившегося выбраться на берег. Из-за сияющей пелены донеслись жуткие, хлюпающие звуки ударов.

Тук. Тук. Тук.

Хлюпанье мгновенно переросло в неистовый, оглушительный грохот, словно в ворота били тараном. Барьер Небесной реки содрогнулся под натиском чудовищной силы, и прямо в месте удара по радужной поверхности поползла рваная трещина.

— Берегись! — рявкнул Чэн Жан.

Из разорванной бреши вырвался длинный склизкий язык, сотканный из клокочущей скверны. Извиваясь мерзкой плетью, он устремился прямо к ошеломленным путникам.

<http://bllate.org/book/19047/1953395>